

ЭЙЛИН ФАРЛИ

Автор романа «Неприкаянные»
и дилогии «Джакал»

Состыя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕКРЕТ • БОРЬБА • РАСПЛАТА

18+

Эйлин Фарли

Гостья

Серия «Гости», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70111648

SelfPub; 2023

Аннотация

Елисей вернулся... Прибыл туда, где раньше было так привычно и удобно. Но его внутренний мир изменился навсегда! Интерес в карьере? Радости, удовольствия? Полная апатия ко всему сущему – вот с чем остался наедине разгромленный Викинг. Отныне его жизнь бессмысленна и пуста. Спустя несколько месяцев сердце Полины несвободно... Оно наполнено любовью, а будни проходят в нежности и заботе. Но Полина измотана, обессилена. А тот, кто стал для нее новым смыслом, напоминает ей призрака из прошлого... Что будет, если сама судьба снова сведет сломленного Елисея и изменившуюся Полину? Сможет ли Викинг завоевать хотя бы ее прощение? Способна ли Кошка переступить через гордость и чудовищную обиду?

Содержание

Playlist	4
Глава 1. Тронхейм	6
Глава 2. Помилованный	10
Глава 3. Фьорд	13
Глава 4. Корова	15
Глава 5. ЗОЖ	18
Глава 6. Гость	21
Глава 7. Дичь	25
Глава 8. Логово	29
Глава 9. Слово пацана	36
Глава 10. Двое	45
Глава 11. Засранец	48
Глава 12. Подвиг	51
Глава 13. Существа	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эйлин Фарли

Гостья

Playlist

Лисицын «Без нее»

Макс Корж «Слово пацана»

Sonya Suhorukova «Уходи»

Тату «Не верь, не бойся, не проси»

ГРИБЫ «Между Нами Тает Лед»

Zivert “Еще хочу»

Loc dog & Aliev «Я ушел навсегда, я правда не вернусь»

A-NA “Forest Fire”

Filatov & KARAS “Tell it to my heart»

Whitney Houston «All The Man That I Need»

ВИА Синяя Птица «Прости»

Глава 1. Тронхейм

Минул год с небольшим...

Время не тянулось, но и не бежало. Оно застопорилось. Бессмысленность бытия. Вечность, в которой первые недели без НЕЁ не было никого и ничего, кроме оболочек в виде людей и светящегося экрана компа в головном офисе...

Нет, я не забухал и не стал наркоманом. Слишком примитивно таким вот макаром разрушать здоровье. Я собирался жить столько, сколько отведено.

Назло самому себе!

Чтобы хоть чем-то наполнить сытое, но такое жалкое существование, я как-то невольно решил превратить себя в бирюка, чертового неотесанного полудикого викинга. В офисе я был на очень-очень хорошем счету, поэтому не стоило больших трудов уговорить добродушного престарелого начальника перевести меня на удаленную работу. Пришлось наврать, что прохожу лечение и мне требуются разные там капельницы и уколы, которые делает медсестра.

Я отрастил окладистую бороду конунга. Завел привычку подбривать виски и зону за ушами, чтобы мой ирокез из довольно длинных волос смотрелся симметрично.

Вечерами я выезжал за город и бесцельно бродил часами по чужим фермерским владениям.

Черные футболки и темные штаны. К черту официальную

классическую одежду! Я повыбрасывал все вещи пастельных, светлых тонов. Перестал хоть что-то готовить и ходить по кафе и рестикам. Нет, я не голодал, поскольку должен был прожить столько, сколько отведено...

Без Кошки! Блядь! Без НЕЁ!

Заказанная на дом еда в коробке. Мне было насрать, что запихивать в желудок, поэтому я решил, что это будет дичь. Да-да, весь год я питался одним и тем же блюдом. Финнбиф. Тушеное мясо северного оленя, которым я мечтал как-нибудь травануться ...

Увы и ах!

Фрейя, явившаяся в мой мир в обличии кошечки...

Боль! Татуировки. Тату-мастер по имени Эрик быстро озолотился на мне. Он не успевал отрисовывать всё новые и новые эскизы. Прекрасная богиня Фрейя на груди в районе сердца, руны и орнаменты, скандинавское древо¹. Мой торс, шею и руки сплошняком покрывали разные символы, а по ночам в ушах стоял гул монотонного жужжания татуировочной машинки, которая всаживала в мое тело острую иглу, боли от которой я почти не ощущал.

Проклятый свадебный букет. Вереск в руках не моей богини. Колкие иглы на стеблях хвойного кустарника, как потом случайно выяснилось – традиционного символа Норве-

¹ Игтдрасигль – Мировое дерево (дерево жизни) в германо-скандинавской мифологии – исполинский ясень, в виде которого скандинавы представляли себе вселенную.

гии. Символа, впивающегося в нежную кожу Фрейи. Игла с чернилами будущих наколок. Я хотел испытывать то зудящее ощущение на коже постоянно!

В память о ней. Как вечное напоминание о том, что ты, выблядок, наделал!

Древо жизни на спине. Размашистый дуб на моем почти безжизненном, обескровленном теле. И многовековой дуб в фермерском поле на самом горизонте. Дождь ли, снег или ветрище – да пофиг. Мой ежедневный маршрут пролегал к тому дереву.

Место силы человека, бессильного что-либо изменить. Да, каждый божий (адский) день я шел к дубу, растирал холодные ладони докрасна и подпрыгивал, чтобы ухватиться за одну из толстых веток, кора которой со временем стерлась. Я подтягивался на ветви, заменяющей турник, как оголтелый, пока не падал ниц от изнеможения. На первых порах мои ладони саднили от стертой до крови кожи, а мозоли не успевали заживать, то и дело лопаясь тонкими пузырями. Впрочем, это не мешало моим пальцам совершать привычные действия: мерно стучать по клавиатуре.

Довольно скоро ладони превратились в шероховатые лапы викинга, а кора на той ветви, напротив, – стала нежной и гладкой, как кожа моей Фрейи....

Мое тело превратилось в одну сплошную жилу, что была вечно натянута. Само собой, такие видоизменения приметила и распутная Михаэлла, о которой я и думать забыл. Мы

встретились случайно на одной из улиц Тронхейма, и, с трудом узнав меня по зеленым глазам, она облизнула губы так, будто лижет мой член.

Похуй!

Полное безразличие к щелям баб. Я даже не мастурбировал. Фантазии о Кошке, которые не имели права рождаться даже вскользь. Отныне никакого права мечтать о ней, вспоминать ту гостевую комнату, ее наряды и ее саму...

И по заслугам! Когда-нибудь ты сдохнешь вовсе не от турника или отравления сырым мясом. Ты помрешь от спермотоксикоза, когда твой член взорвется ночью. Тебя, ублюдок, похоронят без почестей, а на гробовой доске будет надпись: «Тут покоится самый озабоченный и похотливый извращенец, который решил заделаться в монахи-отшельники».

Отшельник в теле викинга. Я был им, стал им физически, но старался не произносить это определение даже про себя.

«Викинг, – стонала Кошка. Викинг», – шептала НЕ моя Фрейя!

Глава 2. Помилованный

– А теперь замри, Полина, не тужься, – монотонно и сосредоточенно произнес акушер-гинеколог.

То, что было для него привычной ежедневной работой, обернулось для меня катастрофой...

И безмерным счастьем!

Мальчик, имя которому – Ян. Он появился на свет чуть позже полуночи и на месяц раньше срока.

Плод.

Плод запретных, греховных и безгрешных отношений. Зачатый от самого дьявола! Непорочно зачатый с Викингом.

Семя Викинга, извергнутое на мое тело той ночью, когда я стояла перед ним и требовала нарушить правила. Разделить со мной трапезу за завтраком. Требование купить ему «замену» и подарить хотя бы поцелуй...

Хотя бы еще одну ночь вместе, которую украл проклятый Титов!

Да, Ян не мог быть сыном ублюдка Игорька...

Когда моя грудь вдруг стала жестче, налилась, то я опешила оттого, что из-за чудовищных событий совершенно забыла о месячных, которые, как оказалось, не приходили два месяца с лишним.

В сумбуре, что творился в ошалевшей от шока голове, я судорожно пыталась вспомнить, когда спала с женишком

крайний раз. Мы делали это в презервативе и на фоне противозачаточных таблеток, что я исправно принимала.

Да-да, Титов не хотел заводить детей в ближайшие годы.

И да! Я напрочь забыла о противозачаточных в те наши ночи с Викингом, ведь он не проникал в меня, не наполнял мое лоно своим семенем.

Дьяволу хватило нескольких капель, попавших в трусики-стринги, чтобы я понесла от него.

Наш сын. Чудо и наказание. Радость и вечное болезненное напоминание о том, кто предал меня, кто бросил. О том, кому нет прощения!

О том, кто засел томительным и сладким кошмаром в сердце, Полина?

Родить ребенка от монстра. От холодного и такого горячего Викинга...

Ни одного сомнения!

Я хотела этого ребенка. Мальчика-воина, который был частью нас. Который попал в матку семечкой, которая настолько жаждала жить, что преодолела ослабленную преграду из остатков действия противозачаточных, преграду в несколько сантиметров от поясницы до лона.

Ян – значит на норвежском «Помилованный богом».

Крохотный воин, которого помиловал бог, которого помиловала я, не сделав аборт. Милый, светловолосый плод, родившийся так стремительно, что порвал мое тело изнутри.

И доктору пришлось штопать новоиспеченную маму.

Да и бог с ним, мелочь какая!

Ян пищал из соседнего отсека палаты, весь закутанный в толстое одеяло и под ультрафиолетовой лампой. Мне отчаянно хотелось побыстрее взять его на руки и приложить к груди, к которой скоро прильет молоко....

Счастье! Счастье матери-одиночки...

Глава 3. Фьорд

Я не собирался наведываться на родину, в родной городишко.

Ближайшую тысячу лет, блядь!

И не потому что там отродясь было нечего делать...

ОНА! Фрейя. Наша преступная, греховная близость и ощущение близости Кошки в треклятом городке.

Норвегия. Тронхейм. Кануло уже тринадцать месяцев с того момента, когда я сел в самолет Москва-Вернес² и мечтал, чтобы в его турбину залетела птица и все гребанные пассажиры (включая, естественно, МЕНЯ) разбились о гладь Норвежского моря. А еще лучше – о фьорд. И чтоб мое тело не успели найти спасатели. Я грезил, чтобы его сожрал дикий медведь, не подавившись моими уёбищными костями, кишками. И обрубок члена...

Ну это уж ты загну-у-ул!

Похороны – печальный повод моего приезда в Эр Эф. Траур. Отпевание в часовне бабушки, которая сильно болела в последнее время. И я очень эгоистично поступал, когда молился всем богам за ее здоровье больше из-за того, чтобы как можно дольше не посещать родину.

Да, всё-таки ты подлюка каких свет не видывал! Бессер-

² Международный аэропорт в городе Тронхейм (Норвегия).

дечный мудах.

Минимум общения на русском языке. Никаких контактов с корешами из Подмосковья и городка, где рос. Забыть всех, кроме близких родственников. Только так!

Глава 4. Корова

В полном бессилии от недосыпа я рухнула на кушетку, проклиная всё на свете!

Дневной свет, что назойливо лез в окно, радовал кого угодно, но только не меня. Щебетание чертовых птиц, доносящееся с улицы...

И аппарат-молокоотсос, который маячил на прикроватной тумбочке, насмехаясь надо мной...

Ты – дойная корова, запомни!

Ян практически не спал, изматывая мою нервную систему до галлюцинаций и голосов в голове. Не знаю, почему он постоянно кричал...

Возможно, потому что он – безотцовщина и в курсе этого? Ты ведь так решила за него.

Биологический отец Яна. Я даже имя его вслух не могла произнести. Поэтому, когда в ЗАГСе...

Пусть будут прокляты все в мире ЗАГСы!

Когда тамошняя тетка спросила, кто, мол, папаша, я сухо ответила: «Прочерк!»

Минус Викинг. Ненужный элемент в моей жизни.

Пока я вынашивала малыша Яна, то на гормональном фоне была какой-то одухотворенной и представляла Викинга неким героем из мифа, сказания. Персонажем, который явился ко мне, земной деве, в дурманящем сне и сделал дар

в виде наследника...

Наследника, о существовании которого он даже не догадывался, Полина!

Никаких воспоминаний о том страшном дне, когда он предал меня. А затем свалил в закат без каких-либо извинений или объяснений...

Как только Ян вышел из моего тела с нечеловеческой болью и муками схваток, я возненавидела человека, имя и фамилию которого навсегда вычеркнула из сознания, стерла в труху!

Даже не минус. Ноль без палочки. Никто! В конце концов, во время той порочной связи такое место ублюдок сам себе и обозначил. Незванный гость, бродящий где-то, занимающийся привычными гнусными делишками. Живущий всласть, пока я страдаю бессонными днями и ночами. Умираю от избытка жирного молока, которое без конца застревает в груди желтыми пробками сливок.

Гребаная Буренка из «Села Зеленого»³!

– Да-ёбти-налево! – заорала я в потолок.

Переставай ругаться при ребенке, Корова.

Сходить по-нормальному в душ. По-человечески помыть голову. Какие уж там клубы-рестораны-путешествия?!

Просто поспать. Отрубиться на несколько суток. Нормально поесть, а не второпях. Сделать маникюр и педикюр. Почитать книгу или позерить сериал. Несбыточные меч-

³ Бренд молочной продукции.

ты...

Перемотать грудь и забыть о молокоотсосе? Нет, совсем ополоумела!

Я тщетно уговаривала себя, что это временно. Просто надо потерпеть.

Господи! Даже мои родители не знали, что пять месяцев назад у них появился внук.

И им ты тоже не соизволила сообщить, Полина.

Не соизволила, блин! Потому как они бы начали выводить, кто папаша. Люди старой формации. Мама осудила бы меня, а отец принялся бы разыскивать подлеца, что заделал мне чадо и свалил... В закат.

В проклятый Трах-потрах-Тронхейм!

Грязная порочная тайна. Да лучше пусть у меня отвалится язык. Поведать близким, как мы зачали ребенка и что вообще тогда происходило? Ни за что!

Слава богу, родители с год назад переехали в Пятигорск, чтобы пребывать на свежем воздухе и пить гребаную минеральную воду. И мне очень не хотелось думать о том, что их шлюховатой дочери когда-нибудь придется сознаться в том, что она произвела на свет человека.

От самого гнусного и подлого существа во всем мире!

Глава 5. ЗОЖ

Я не собирался задерживаться в ставшем таким ненавистным родном городе. Не приведи господь еще столкнуться нос к носу с Титом или какой-нибудь прочей мерзостью из его компашки.

Мама, зная, что мне пофиг, из какой точки мира работать, уломала-таки остаться до девятого дня...

Гребаные погребальные традиции!

Хорошо-хорошо, раз так, то я согласился побыть еще, но на своих условиях. Бабушкина квартира в Подмосковном рабочем городке. Обшарпанные четырехэтажки и покрытые тысячью слоев краски качели и лазалки. Мне доставляло удовольствие «лазать» по городишку, как какому-то безнадзорному пацану, и побухивать пиво.

К слову, это не помешало мне продолжить заниматься на турниках. При совке⁴ их понатыкали великое множество по всей необъятной родине.

ЗОЖник хренов!

– Если хочешь быть здоров – закаляйся. Голой жопой об забор ударяйся, – припомнил шуточную песенку родом из босоного детства.

Коричневый забор. Дача. Уже теперь не моя. Я согласился

⁴ Собирательное понятие, характеризующее всю систему Советского Союза в целом. Термин стал использоваться во времена перестройки.

продать место, где творилось безумие тем летом...

В комнате, где вздымалась и опускалась грудь твоей Фрейи. Где ты умирал! Умирал от желания взять ее!

– Черт! – прорычал я, заметив, что мой приятель в штанах сперва дернулся, а затем встал колом.

Встал прямо в людном месте у входа поселковый клуб. Викинг-монах и бородатый местный бухарик в наколках, который будто только вчера откинулся с зоны.

Совершенный диссонанс. Белая горячка. Какой-то глюк, что я словил в том странном портале на фоне пыльной площадки перед клубом. Он заставил войти в чудовищно странное состояние. Транс.

Дача. Уже не мой дом. К счастью, не мой.

Не ТВОЙ – к ужасной беде!

Он был единственным приятным воспоминанием. Сакральным местом, где случилась магия и сама Фрейя спустилась ко мне. В комнату, на кушетку, где я сопел в детстве. Мираж. Глюк. Наваждение...

Чудовищно порочная гостевая комната в загородном доме Тита...

Которую хотелось сжечь вместе со всеми жильцами и гостями, блядь!

Дачный дом. Наша последняя ночь с богиней, что задышалась и трепетала в бледных лучах лунного света.

– Так! Собрался, братан, – одернув футболку, пробурчал под нос.

Перестать бухать пиво каждый день. Еще не хватало потом привести дурацкую привычку в Норвегию с чемоданом и конфетами «Мишки на севере», которые точно всучит мама, не зная о моих новых кулинарных предпочтениях...

Операция под кодовым названием «Дичь». Ах вот что ты задумал?

Да, прийти в себя. Ранний подъем с утраца и поездка длинную всего в какие-то две станции на электричке, а затем – поймать с руки машину...

Фу, как старомодно.

Слова моей Фрейи в образе Астафьевой, боже!

Нет, не тусоваться и не бухать с корешами, а каким угодно макаром, под любым предлогом, за любые, мать его, деньги, но проникнуть в мой бывший дом, чтобы последний раз оказаться там, где прошла мистерия той нашей ночи с богиней...

Глава 6. Гость

«Эй, хозяйева!» – раздался приглушенный голос с узкой дороги-улицы.

– Да чтоб вас всех! – прошептала я в неистовом гневе.

Мой сын переплюнул сам себя. Поставил новый мировой рекорд по ору и всхлипываниям прошедшей бессонной ночью. Моя грудь взрывалась от того, что не было сил сцедить молоко.

И это могло опять плохо закончиться, блядь блядская! Закончиться застоєм молока и температурой под сорок?

Последнее, что мне нужно было в тот момент, когда я подыхала от раздражения и усталости, так это появление очередного гастарбайтера с предложениями продать ему металлолом или выдать какую-нибудь работенку.

Красные глаза. Стиснутые зубы. В зеркале отражалась не милая Кошк...

Даже не смей вспоминать это слово!

...В зеркале прихожей был какой-то взъерошенный черт. Который собирался раз и навсегда отвадить уродов шастать возле дома, где была лишь взвинченная и слабая мать-одиночка и еле уснувший грудничок.

Первое время я делала перед пришлыми вид, точнее, врал, мол, муж на работе, поэтому хрен знает, нужно ли что-то или нет по хозяйству. Думаю, они со временем смекнули,

что никакого мужа нет...

Точнее, он был, но недолго. Мы с Титовым пробыли в статусе супругов ровно неделю, пока нас по-быстрому не развели благодаря связям его мамы в ЗАГСе.

Куда теперь ни ногой! Довольно походов в проклятые ЗАГСы.

Не столько опасения быть ограбленной или изнасилованной, сколько лютый страх за Яна – вот что двигало мной в тот момент, когда я пулей вылетела с веранды, схватила в предбаннике так полюбившийся топор...

– Пошел на хер отсюда! – рывкнула я, даже не успев обогнуть дом.

Зато ты успела прикурить сигаретку, которую вообще-то намеревалась покурить вечером?

Нет, утром самое оно!!!

– Еще раз сунешься сюда...

Бля-я-я-я-я-ядь!

ОН!

Монстр из грязного прошлого. С бородищей. С ирокезом. Во всем черном.

Викинг!

Это был он.

Его дачный дом. Объявление на заборе «Продается», увиденное тем днем, когда мы приехали в роли двух корефанов сюда. Тогда в груди кольнуло от какой-то грусти. Детство. Его воспоминания. Летние каникулы и парни-соседи, дав-

ным-давно ставшие половозрелыми мужиками.

Мне почему-то стало больно за...

Того, чье имя нельзя называть даже мысленно.

За того, кто не заслуживает ничего, кроме презрения, нет, лютой ненависти!

Биологический отец моего ребенка.

Да, именно я стала новой хозяйкой дачи. Гормоны, играющие во мне во время вынашивания сына. Желание оставить Яну хоть какое-то наследство от Викинга. Какая-то нежность к этому дому, порыв сохранить его таким, каким он был при....

*При том, чье настоящее имя пусть будет проклято во-
век!*

Родители монстра. Милейшие люди, которые охуели бы, если б узнали, что за девушка вносит задаток за дачу, чтобы письменно закрепить сделку. Свекр и свекровь, перед которыми стояла таящаяся невестка с небольшим округлившимся животиком.

Мама чудовища была мила и поинтересовалась, кого я ношу под сердцем: девочку или мальчика.

Мальчика. И это пока что единственный ваш внук!

Если, конечно, выродок, которого вы, неуважаемая, произвели на свет тридцать три года назад, не заделал своим боевым членом еще каких-нибудь несчастных безотцовщин.

Нет, так бы я ей ответила про «выродка» уже потом, после родов. Очень грубо бы ответила, на матах. Чтоб ее глаза

вывалились из орбит...

А в тот момент, когда любезная Галина Сергеевна, утирая слезы, вручила мне ключи, я поймала это внезапное ощущение. Теплота. Семья. Заботливые дедушка и бабушка для Яна.

Их кровинушка-монстр! Негодяй, похабный, развратный, гадкий, жесткий ублюдок. Нет, хуже. Дьявол. Истинное зло в обличье красивого молодого мужчины с зелено-серыми глазами.

Те глаза пронзили меня насквозь с такой силой, что я вздрогнула, а топор выпал из слабой руки. Первая мысль, ураганом внесшаяся в больное, истерзанное недосыпом сознание:

Дьявол вернулся, чтобы уничтожить меня. И отобрать моего... Только МОЕГО СЫНА!

Глава 7. Дичь

Первая мысль: блядь, дом купила какая-то алкоголичка, которая синячила до утра. До белой горячки. И теперь собиралась зарубить ни в чем не повинного человека, стоящего за забором!

Бешеные красные глаза. Бледное осунувшееся от бухыча и похмелий лицо. Волосы, забранные на макушке в черти какой пучок. Точнее сказать, старое заброшенное птичье гнездо.

Да уж, как корабль назовешь, так он и поплывет!

Операция под кодовым названием «Дичь» стремительно проваливалась. Она вполне могла закончиться смертью от встречи летящего топора с моей черепной коробкой.

Скандинавский викинг, бесславно павший от рук русской алкоты с прилипшей к нижней губе сигаретой? Блеск!

Вторая мысль так и не успела посетить меня, ибо...

Бля-я-я-я-я-я-ядь!

OHA!!!

Полина!

Не моя Кошка, а ободранная, обнюхавшаяся валерианки, потасканная зверюга.

Не моя Фрейя, а самая худшая во всем мире версия Астафьевой, где она – потомственная алкошня, живущая...

Бля-я-я-я-я-я-ядь!

Облюбовавшая мой дом!

Да, я настолько опешил от увиденного, что не сразу сообщил, что дом уж год как продан. Я начисто забыл, зачем явился на дачу...

Операция с кодовым названием «Пиздец»!

Я ехал две станции в каком-то печально-возвышенном, лирическом настроении. Оно тут же исчезло, испарилось, когда передо мной возникла полоумная дамочка, которая будто вовсе не купила или арендовала мой дом...

Неа, уже не твой.

...Дачу. А воспользовалась тем, что хозяйева давно не появляются там. Никаких проблем с тем, чтобы попасть внутрь и занять чужое жильё...

Да что ты заладил: мой да мой дом, мое жильё?! Уймись – НЕ твоё!

Полный хаос в башке!

Ровно до того момента, пока из НЕ моего дома не раздался какой-то звук. Я, словно зверь, втянул носом спертый от водки (именно так мне и показалось) воздух и учуял в нем нечто, другое, не алкогольный запах. А запах...

РЕБЁНКА!

То был тихий плач малыша. Я чуть не сдох, переведя взгляд от оконной рамы обратно на чумную бабу, которая молча хлопала красными опухшими от пьянства глазами. Ореховыми глазами той, кого я когда-то...

Любил?

Святые угодники! Как могла богиня так стремительно деградировать?! Она сделала это назло мне? Сначала вышла замуж за Титова назло. Затем заняла дачу и решила там спиться?

РЕБЁНОК! Вот что важнее...

Она родила. Понесла от какого-то драного уличного кота. А может, окотилась вообще несколько раз? И теперь по всему дому снуют вшивые недокормыши-котятта, обсерая мебель и обоссывая купленные в Икее моей мамой половики.

Кошмар какой!

Я вспомнил, что передо мной не кошка, ровно в тот момент, когда ребенок в доме закричал еще громче, а та, которую я боготворил, вздрогнула и растерянно глянула свои на огромные груди без лифчика. Огромные сиськи под какой-то желтой майкой...

Из них вытекало что-то...

Господи! Молоко. Грудное молоко...

Полина. Родила. От меня?

Не от тебя уж точно!

Но тогда от кого?

Вариантов немного. Тринадцать месяцев. Или чуть больше. Ведь в доме плакал именно малыш. Грудной малыш. Она встретила кого-то еще после развода с Титовым? Она сошлась с первым своим Стасиком? Нет, слишком короткий срок для новых отношений после нашей катастрофы...

Или только твоей катастрофы?

Она на моей даче, а не в доме Титова. Значит, она точно с ним развелась. Но она сохранила от него ребенка, о котором не знала, когда мы заходились от похоти в темной гостевой комнате?

Я мгновенно забыл о том, в каком виде предстала Полина. В том числе и потому, что она, как заботливая, а вовсе не какая-то ушлая кошка или женщина-алкоголичка, ринулась в сторону дома, чтобы успокоить дитя.

Боже! Делать все те порочные вещи с ней, даже не подозревая, что Полина на ранних сроках беременности...

Я думал, что уже труп, мертвец. Жизнь без нее не имела никакого смысла...

Нет, я сдох именно в то мгновение, когда услышал жалобный детский плач!

Поток грязи, мерзости отвращения от содеянного с ней ворвался в мою душу и затопил ее смрадной жижей!

Полина родила от подонка Титова, который изменил ей. Она пожалела несчастную душу младенца, что вызревал в ней, когда я...

Мне было так отвратно, так невыносимо от самого себя, что я пожалел о том, что Полина не зарубила меня топором, выбрав кинуться к малышу, а не в мою сторону.

Хотя ты заслужил этого. Заслужил ее расправы как никто на всем белом свете!

Глава 8. Логово

В каком-то диком исступлении я схватила Яна и прижала к себе. Выброситься из окна, чтобы не позволить монстру забрать мою волю, моего ребенка...

Покончить с жизнью, бросившись из окна первого этажа детской? Идея – огонь, Поляночка!

Мне вдруг вспомнилась древнерусская история. Полчища хана Батия у стен рязанского терема. Княгиня Евпраксия⁵ с сыном на руках. Жест отчаяния благородной гордой женщины...

Нет, к хуям собачьим!

Я не собиралась делать ничего подобного. И так много жертв, принесенных на алтарь варвару, зверю, который нутром почуял запах моего тела, молочный, сладкий аромат моего малыша...

Викинг, стоящий за забором логова, в котором правил когда-то. Теперь оно, логово, было моим.

А толку-то?

Какие-то жалкие несколько метров разделяли нас. Боже!

⁵ Византийская принцесса, жена Федора Юрьевича, князя Рязанского. Согласно «Повести о разорении Рязани Батием» (XVI век) Княгиня Евпраксия, узнав об убийстве своего мужа Батием за отказ отвезти ее в Орду (по другим данным – после захвата крепости Батием), Евпраксия вместе с маленьким ребенком бросилась с крыши княжеского терема.

Ну почему не сотни тысяч километров?!

Широченные плечи, обтянутые тканью черной футболки с надписью «See you in Valhalla»⁶. Моя чертова болезненная любовь к славянской и скандинавской мифологии с детства и сериал «Викинги».

Русые усы, переходящие в светлую, словно выгоревшую бороду. Волосы, собранные под что-то типа резинки на макушке в тугой хвост. Татуировки на шее, сакральные древние символы на руках...

Мое предательское тело сработало мгновенно! Без того воспаленные соски затвердели до ноющей боли. И из них брызнуло горячее молоко, предназначенное для сына монстра.

И нечто звериное пульсацией отозвалось внизу живота. В месте, где еле зажили швы от разрывов при родах. В месте, к которому я прикасалась, будучи с животом...

Когда беременной вспомнила Викинга?

Блядь! И да, не дотрагивающаяся до себя ни единого разочка после родов. Полное отсутствие желания к мужчинам. К их половым органам, которые по определению стали для меня грязными, источающими похоть и опасность.

Ну давай-давай, признайся...

Да, мать твою за ногу! Да! Я глянула на пах Викинга, ко-

⁶ Вальхалла – в германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде, куда попадают после смерти павшие в битве воины, и где продолжают прежнюю героическую жизнь.

торый предстал передо мной, ошалевшей бабой с топором, во всей, мать его, красе! Он появился без притворной маски строгого холодного задрота, айтишника...

Ага, так и есть. И эта трансформация... точнее не так, представшая глазам истинная сущность – настолько изумила, поразила, что я даже забыла об опасности, что не мог не источать он.

Он, этот монстр...

Страшно привлекательный зверь?

Нет! Дьявол, сатана снова заставил мое усталое, никому, кроме сына, не нужное тело испытать нечто...

Безумное!

Жажда секса. Жажда мужской дикой плоти. Жажда твердого члена между ног. Жажда возбуждающего щекотания от соприкосновения усов, бороды о...

Клитор? Да, Полиночка, ты ведь совсем забыла, что у тебя есть клитор и прочие приятные местечки, которые даны женщинам не только для того, чтобы рожать.

Боже! Глядя в глаза Викинга, я разрывалась изнутри! Будь проклят тот день, когда я, дура, ебанашка конченная, купила логово зверя.

ЕГО логово, что бы там ни было написано в дурацких, ничего не значащих документиках...

Гостя, которую темный зловещий властитель снова заволок на пир, в Вальхаллу, где было место только таким же, как он. Братанам по оружию, убийцам и мародерам, что пали в

жестоких схватках и теперь упивались хмелем и развратом.

«Ели мясо мужики, пивом запивали-и-и» ... Да, Полечка, припоминаешь, как он прижимался к тебе во время той «пирушки»? Помнишь, как одновременно трепетала, стыдилась и мокла?

Дура, кретинка, идиотка! Я собственноручно загнала и себя, и сына в логово, которое по какой-то причине посчитала своим. Вальхаллой, чертогом, который лишь на время покинул Викинг.

После рождения сына я чувствовала, знала, что то мое чудное решение...

Ебануто-извращенное, Полина?

Долбанутое решение купить дом не приведет ни к чему хорошему.

Приведет к пиз-де-цу!

Но, поразмыслив, я даже потерла руки от сладкого прикуса вендетты. Выцарапать острыми коготками то, что принадлежит ему. Его сакральное место, где он чувствовал себя превосходно. Как нигде гармонично. Сам дом, его вещи. Его кореша и место их попоек и веселухи на опушке у самой кромки леса.

Даже не вздумай вспомнить, как вы потешно придумали звать друг друга по фамилиям тем чертовым летом! Его фамилия проклята на веки вечные!

Прошрое. Вендетта, которая всегда заканчивалась для меня сдачей в плен Викингу. Акт мести за отказ делить со мной

стол утром после безумной ночи. Ночи, когда я забеременела от зверя.

Я опять, блядь, напарывалась на те же самые грабли! Логово, которое я с упоением очищала от следов Викинга.

Выброшенные на помойку шторы и половики. Да, переезд на дачу с небольшим животом под широкой толстовкой. Отличное место, чтобы избежать косых взглядов соседей, шепотков и случайных встреч со знакомыми, которые могли натрепать Титовым и прочим уродам про то, что я в положении. Мамаша поганого Игорька наверняка бы подняла вой. Стала б выяснять, чей это ребенок. Тайком бы взяла ДНК у Яна. И устроила бы из раскрытия тайны танцы впрыскалочку с выпадами.

Но! Самое паршивое то, что Титов точно захотел бы узнать, с кем я кувыркалась, уже будучи его невестой.

Ни с кем, блядь! Вот что самое противное и смешное до горьких слез?

Титов бы сопоставил очевидные факты. Двое, оставшиеся в его доме. Лучший друг и будущая жена. Поездка на дачу...

В логово Викинга, которое ты заняла по тупости?

Да уж, но тогда, после родов это казалось отличной идеей. Свежий воздух. Доносить спокойно ребенка подальше от любопытных и злых глаз. Сдать квартиру в городе, чтобы как-то сводить концы с концами...

Да-да, «концы с концами». Ведь тебе хватило ума потратить все накопления от работы репетитором на покупку

дачи? А-а, вспомнила наконец, что когда-то ты получила высшее лингвистическое образование и имела хорошую работу...

Стабильную и классную работу, которая к тому же еще и стала удаленной после хвори, что нашла на город. Ковид сделал мою жизнь еще динамичнее. Возможность путешествовать с...

Долбанным изменником, которого никогда не любила?

Да, отдых и более-менее свободный график. Куча планов на жизнь. Легкость и эстетика жизни в вылизанном мире принца Игорьька и его поганого семейства...

Каков же итог, Поля?

Пиздец! Вот какой!

Непорочный залет от зверя.

Мать-одиночка, которая матерится через слово.

Гребаная безработная училка английского, у которой не то, что на учеников, а мытье головы времени нет.

Кормящая мамаша, взявшая за привычку покуривать.

Жалкая кретинка, которая решила, что если уничтожить мебель из логова Викинга при помощи его же топора, то это будет упоительной мстью.

Тупица, каждодневно устраивающая шабаш с сожжением старых вещей, тряпок из дома монстра.

Слабачка, которая так и не смогла разрубить на щепки кушетку Викинга, на которой ублажала себя, заходясь от истомы последней ночи с ним. Да, Полина?

Придурочная, у которой проскользнула мысль о том, что она, наверное, выглядит хреново, непривлекательно с топором Викинга в руке и заношенной желтой майке...

Мне – хана!

Глава 9. Слово пацана

Пепелище недосоженных тряпок из моего бывшего дачного дома в огороде, на фоне цветущих вересков, что посадила Полина.

Полина испепелила меня, сделала тленом, родив от бывшего лучшего друга!

Она, которая в фантазиях представляла меня своим первым. Та, которую я так жестоко обрубил, прервав образы, рисовавшиеся в голове. Моя норвежская квартира...

Боже, вот ублюдок! Лучшие бы она тогда тебя не простила, в ту ночь.

Кошка прощала мне гнусные слова и выходки. Шла на потрясающие по чудовищности и страстности вещи...

Будучи уже беременной от другого?

Да, я вломился в дачный дом, перепугав Полину до чертиков.

– Я никуда не уйду! – выпалил прямо с порога.

Она стояла такая опешившая, маленькая, беззащитная. И жалкая...

Когда Поля размахивала топором, она выглядела выше, толще – из-за больших грудей, наверное.

Но в доме она скукожилась, словно уменьшилась вдвое.

Она вообще что-то ела в течение года, что ты, debil, душевно страдал? Да по сравнению с ней ты просто цве-

тешь и пахнешь, самец-монах гребаный.

Цветок, который предстал передо мной тогда, при первой нашей встрече на пороге дома ублюдка (который, похоже, не в курсе, что его бывшая жена родила)... Нежный бутон по имени Фрейя увял. Увял из-за двух уродов, которые опорочили и себя, и ее.

Я не мог рассчитывать даже в мечтах на ее прощение. Но мог дать ей то, в чем Полина так нуждалась. Опекунство, помощь и защиту. Заботу о ней и ее ребенке, которого я заочно возненавидел.

Упитанный щекастый пацан на ее тощих руках, прижатый к груди. Голубой костюмчик.

Мальчик!

Бастард. Нежелательный наследник королевской четы Титовых, живущий в дачном доме с очень простой обстановкой. Он в прямом и переносном смысле явно высасывал из матери последние силы и соки. И это жутко взбесило! Будь он постарше, я бы с удовольствием дал ему хорошего отцовского ремня...

Ты ему не отец, мудила!

... Ремня, который висел в прихожей. Ремень моего папы, который всего один раз в жизни всыпал мне по первое число. Дал пиздюлей ох как за дело. Мы тогда с пацанами случайно спалили соседний заброшенный дом.

– Выметайся! – прошипела Полина, сильнее прижимая сына к груди.

Пацан повернул голову в мою сторону.

Боже! Он что, улыбнулся тебе беззубым ртом и потешно хрюкнул мелким носом?

Полина, увидев это, закрыла его лицо ладонью, поцеловала сына в темечко, и на ее глазах появились слезы!

Слезы от отчаяния, злобы, какой-то чудовищной безысходности...

Я не собирался оставлять ей выхода. Чистейшая правда, как бы жестоко это ни выглядело на тот щемящий болезненный момент.

Решение принято! Окончательно. Бесповоротно.

Стать для нее покорным слугой.

А чо сразу не рабом?

Рабом, если надо, блядь! Именно так. Сделаться невидимкой, что тихой поступью следует за ней и делает всё, чтобы облегчить ее тяжкое существование.

Я отчаянно хотел оживить бутон, который сам и обезводил. Я сделал шаг к ней. Один осторожный, но решительный шагжок...

– Полина, выслушай. Это не просьба. Это мольба, – сглотнул я, силясь не расплакаться, как какая-то девчонка.

Что сбился? Отвлекся на пацана, который протянул к тебе пухлую ручонку? Нет, ты должен его ненавидеть. Он отпрыск Титова.

– Не надо! – Полина так истошно взывала, что у меня свело скулы и я не моргал, потому как в глазах скопилась влага.

– Умоляю тебя, – шепнул ей. – Ты не простишь никогда. Я не прощу себя никогда, слышишь? Но, хочешь ты этого или нет, я буду рядом. Буду до скончания, блин, века, пока не сдохну. Это клятва!

Клятва пацана? Ну всё, забились.

– А теперь, Полина, ты оденешь своего пацана для прогулки. Дашь бутылку и как ее там... Соску, блин, – мне не верилось собственным словам, что на самом деле автоматически выплевывал на удивленную Полину мой болтливый рот.

Да, Поля офигела! Ее слезы высохли, а рот открылся в изумлении.

Бинго! Едем дальше... Не даем шанса одуматься.

– Не переживай, Астафьева, – зачем-то ляпнул ее фамилию с видом ужасно серьезного строгого чувака. – Не ссы, короче. Я умею обходиться с мелкими. Слово даю. Короче, мы будем гонять на коляске столько, сколько твой пацан выдержит. А выдержать он может – мама не горюй...

Ты сейчас правда решил шуткануть? Роза ты дебильная.

– Он явно может долго продержаться, ибо очевидно, что мелкий сел тебе на шею и погоняет, хотя точно не страдает от голода.

Ты что, сейчас назвал ее сопляка «жирным», боже, да заткнись!

Полина горделиво-обиженно вскинула подбородок с явным намерением послать меня на хуй.

– Не тяни резину, Астафьева. У меня свободного времени хоть жопой жуй, а вот у тебя – нет. Дуй спать. Это не просьба, а приказ, ясно?

Придержи коней, дубина. Ты командуешь девушкой, к которой только что нанялся в рабство.

В глазах Полины явно застыл как невероятный интерес к моей внешней трансформации в викинга-бирюка, так и обдумывание заманчивого предложения.

– Ладно, – прошептала одними губами она, все еще не веря в происходящее.

Давай, добей ее!

– И этой ночью ты не поднимаешься с кровати. Ты, Астафьева, будешь дрыхнуть как сурок, а утром примешь самый долгий душ в своей жизни. И, если пожелает Ваша Светлость... – процитировал ее потешные слова из той жизни, когда она на полном серьезе собиралась отравить меня свиной. – То я припомню, как топить мою баню.

– Мою, а не твою! – с победоносным видом фыркнула хитрая кошка, глазки которой уже сделались насмешливыми и нагловатыми.

– Твою баню, повелительница Астафьева. – Я сделал неуклюжий идиотский поклон, чтобы окончательно сразить ее наповал.

Полина еле сдержалась, чтобы не прыснуть со смеху. Да, перед ней был другой человек.

Тот, кем бы ты был, если б не судьба-злодейка с черто-

вым Титовым?

– Запиши свой номер, нянька, – приказным тоном кинула она, положив пухлого сопляка на пеленальный стол.

Улучить момент немного изучить упитанного румяного вампиреньша.

Беззубого вампиреньша. Ох и ржаса! Не вздумай лыбиться. Поинка ведь в душе знает, что хоть ты и козел, но до боли ответственный тип. Поэтому нацепи мину важного мужика. Няньки для молокососа Титова. Или Астафьева? Любопытно-любопытно...

– Угу, щас запишу, – буркнул я, продолжая пялиться на мелкого.

Он смахивал на чувака с логотипа шин «Мишлен». Приятно было, что он не походил на Тита. Цвет глаз еще не сформировался в радужках из-за сопливого возраста, но глазюки у него явно не темно-карие, как у ублюдка Титова. Который, впрочем, тоже наверняка был таким же капризным откормленным и избалованным типком в младенчестве...

Принц херов!

Пацан дрыгал руками ногами и гулил, не сводя с меня смешливого дружелюбного взгляда в то время, как Полина явно торопилась всучить мне вампиреньша.

– Так, он недавно ел... – начала она.

А он вообще что-то делает, кроме как висит у тебя на сиськах, Астафьева?

– Принято! – кивнул я. – Так... – я наконец отвлекся от

игры в гляделки с пацаном и написал номер на бумажке. – На вот, держи, правда, номер норвежский, но я вечером сгоняю до города и куплю нормальный.

Полина глянула на меня очень-очень странно.

Да, Астафьева, я не шутил, когда сказал, что набился к тебе в пожизненное рабство.

Слово пацана, черт! И к херам все эти тупые пацанские кодексы, что разрушили, разделили наши жизни и судьбы, испоганили всё.

– Итак, Пацан, – начал я, оставшись с ним наедине на пустынной утренней улице, отмахнувшись от огромного жирного слепня, что собирался попить моей кровушки. – Короче, я не собираюсь быть с тобой таким же добрым, как с твоей матерью. Ты должен усвоить ряд правил...

Бля, он что, сейчас поморщил нос и тихо бздонул?!

– И если ты решишь обделать памперс, то я точно сделаю вид, что просто не учуял вонь. Ибо подмывать тебе задницу никогда в жизни не войдет в мои обязанности, хоть я и поклялся твоей мамке быть ее рабом навек.

Тут в глаз залетела мелкая жужжащая мошка. Да уж, отвык я от дачных нюансиков.

– Едем дальше, вампирёныш... Да, кстати, я не представился. Ты можешь звать меня дядей. Не-не, лучше дядя Ви-

кинг, или просто Викинг, или дядя Вик. Как угодно. А как тебя звать-то, а, Пацан?

Пацан прогуглил в ответ что-то нечленораздельное.

– Да уж! Имя. Я бы и дальше хотел называть тебя просто Пацан, но, увы, твоя мать этим точно оскорбится. Как же Полинка тебя окрестила, а? Сашкой или Мишаней?

А может, Елисеем? Елисей Титов. Блеск! Два кобеля в одном флаконе.

– В общем, уясни первое: я тебе не батя, ясно? Второе: я не собираюсь утирать тебе слёзы-сопли, когда ты первый раз бахнешься с велосипеда. Никаких совместных игр и походов за грибами...

Ты сейчас на полном серьезе выставляешь условия и правила младенцу, псих?

– Да, Пацан. Такая уж у меня натура противная. Поэтому не советую мериться со мной яйцами. Ибо, если ты схватил генетику папаши, я всегда буду превосходить тебя.

Ты ебанутый, Елисей, совсем!

– Еще вот что... Ты и твоя мама – семья. Без меня. Вот пусть так и будет, – эти слова окончательно испоганили мне настроение. – Поэтому не вздумай брякнуть «папа» или «ба-тя», когда будешь готов произнести зубастым ртом первые слова, ясно?

Мелкий в ответ покраснелся как рак. И я подумал, что он обижен и злится...

Но НЕТ!!!

Блядь! Он обсерился. Жидко обделался, не успел я отойти и на пару десятков метров от дома.

— Ах ты маленький... — Я еле сдержался, чтобы не обматерить его. — Ну всё, тебе хана, мелкий! Считай, что ты первым объявил войну, хотя я просто объяснил условия мирного сосуществования, — прошипел я, в раздражении доставая запасной памперс и влажные салфетки. — Я сделаю это только ради нее, гаденыш пакостный. Война так война!

Ты серьезно собрался воевать с младенцем, Викинг?

О, да! Еще как!

Глава 10. Двое

Меня чуть не разорвало изнутри от слез, когда Ян улыбнулся и протянул ручонку к своему биологическому отцу!

Я чуть не умерла, когда Викинг вышел на прогулку со своим родным сыном, даже не подозревая о том, какую тайну я скрываю.

Тайна навсегда. Не смей рассказывать ему! Он привяжется к тебе и ребенку, будет обязан вам всю жизнь.

Боже! Да Викинг добровольно шел на это, думая, что Ян – это ребенок его бывшего лучшего друга. Немыслимо благородный поступок от чудовища, с которым мы творили страшные греховные вещи когда-то...

Наше вожделение к телам друг друга. Казалось, с той поры прошел не год с небольшим, а целая вечность. Казалось, что я ссутулилась, постарела, поблекла, выцвела. Викинг же за это время невероятно преобразился.

Адская несправедливость, не так ли?

Он возмужал как внешне, так и внутренне. Сделался из похотливого самца, который всё еще мнил себя подростком в душе, настоящим мужиком...

Мужиком, который даже не собирался глядеть на тебя так же страстно, с искрами желания, как было раньше, «Астафьева»?

От лютой досады я простонала и закусила почти до крови

губу.

Какой там сон?! Викинг ворвался в нашу жизнь. Гость, вломившийся без спроса. Нет, хозяин. Хозяин логова вернулся и опять занял любимое пространство. Под личиной порядочного человека вторгся в нашу и без того беспокойную, трудную и одинокую жизнь. Можно ли ему вообще верить?

Мужик. Мужчина. Отныне в доме их было двое. И да, я пошла на поводу у Викинга, потому что мне требовались сон, отдых, защита и помощь. А еще мной овладело желание хоть один день не быть в статусе измотанной матери-одиночки. Нежеланной и ненужной бабы, которая забила на себя, поставила на себе крест.

Я уступила самому ненавистному в мире персонажу. Да, монстр отправился выгуливать типа чужого младенца. И, самое интересное, что я, до того готовая броситься в окно, доверила Викингу самое ценное, что у меня было.

Неподражаемый, остроумный мерзавец в два счета уболтал меня.

Так же, как и тогда, когда ты сама заявила в темную гостевую комнату в первую вашу ночь?

– Блядь блядская! – вновь простонала я, чувствуя давно переставшую вырабатываться влагу между ног.

Чтобы смыть с себя похоть, я поднялась и отправилась в душ, что стоял особняком в углу участка. Мне отчаянно хотелось тщательно и долго намыливать шампунем голову,

чтобы вымыть мыслишки насчет изменившегося до неузнаваемости Викинга.

Ты же точно помнишь эту циферку: двадцать семь сантиметров? Помнишь-помнишь, как он дразнил тебя, называя запретным словом из пяти букв, начинающимся на «К»...

Ка-пец!

Глава 11. Засранец

Пацан спал долго, пока я изнывал от лютой скуки и набирающей силу полуденной жары. Чтобы мой враг не запретил или не получил солнечного удара в мелкую тупую башку без извилин, я снял с него чепец и приспустил одеяло. Он так крепко дрых после того, как обсерился, что я даже испугался. А вдруг помер?

Я приложил два пальца к его ноздрям и выдохнул с облегчением. Спит. Отлично! И я автоматом записал себе это в личную победу, которая ознаменовала начало новых отношений с Астафьевой.

Чудных, ебанутых отношений, от которых никакой пользы, а только геморрой?

Но раз дал слово пацана, то держи, блядь!

Полина. Я не ассоциировал ее с той сладкой девочкой, которую так вожделел в прошлой жизни. И это ужасно беспокоило! Дать зарок служить бабе, которая не вызывает сексуального интереса... Жесть!

Но почему не вызывает?

Мелкий засранец. Пухлый Пацан в коляске – вот причина. Он изуродовал мать, лишил свежести, он обсасывал ее некогда упругую маленькую грудь. И, в конце концов, он ведь вылез у нее из влагалища. Я даже поморщился, представив эту душераздирающую, во всех смыслах, картину...

Огромный Пацан нахально лезет, пыхтя, а затем, уже находясь на подходе, вытягивает вперед руку и показывает мне из промежности (которую я когда-то страстно хотел), средний мелкий палец.

«Фак ю, маза фака, дядя Вук!»

Гребаный сынок Титова. Проклятый сам Титов, который вечно забирал всё, вечно был на шаг впереди. Но с этим Пацаном он превзошел, мать его, сам себя!

Он сломал мою жизнь. Они оба, он и мелкий, отбирали то, что я желал получить. Им удалось! Я вообще не хотел баб. И та, которая раньше являлась самым желанным в мире существом, отныне стала последней, на которую бы встал член. Потому что эта женщина насквозь пропахла грудным молоком и слюнями мелкого ушлепка, который спал целую вечность, а мне так хотелось пить или съесть мороженое, но я не мог оставить вампиреныша одного без надзора перед входом в небольшую дачную палатку у дороги.

От досады я чуть не рычал! Я стоял в тени у самого въезда в садовое товарищество и играл желваками от злобы и жажды, изучая такую привычную табличку «СНТ “Свобода”».

Завидев ее в детстве из отцовской машины, я радовался настолько, настолько может радоваться ребенок. Но отныне это выглядело форменным издевательством! Я был в плену у мелкого кровососа, боже!

И на одно мгновение в голову даже закралась мыслишка: «А ну этого Пацана к черту? Может, бросить его прямо тут

и смотреть, сбежать, добраться до Норвегии, до Тронхейма, чтобы продолжить жизнь бирюка, монаха, поедающего дичь и подтягивающегося на дубе-турнике минимум тридцать раз за заход».

– Нет! – рявкнул я на себя за такую подленькую (но довольно разумную) идею. – Лучше подумай, где здесь будешь тренироваться, – шепнул, когда Пацан зевнул.

Боже, во что ты ввязался на эмоциях?! Херов благородный Викинг из Тронхейма.

Глава 12. Подвиг

Покорить сердце женщины. Убийство чудовищного волка Фенрира⁷ или победа в каком-нибудь рыцарском поединке.

Подвиг, Поляночка. Самый настоящий! Пахнущий кисляком сбродившего в желудочке Яна молока.

– На вот, – не скрывая брезгливости, Викинг сунул мне грязный подгузник, как доказательство верности и серьезности намерений.

Весьма непонятных намерений, Поля...

Я так и не смогла сомкнуть глаз, несмотря на то что этой парочки (которая, похоже, прекрасно спелась?) не было четыре с лишним часа. С напускной холодностью я спросила, поспал ли ребенок. Викинг кивнул, опустошая третий по счету стакан воды.

Ответственный Викинг страдал всё это время от жажды и голода. И я посчитала справедливым предложить кофе и яичницу.

К жуткой досаде, он отказал!

Не первый раз отказал. Он опять выставлял границы, но уже другие. И ты знаешь, по какой причине, блин...

По всем разумным законам, этот его жест должен был порадовать. Однако после пылкой речи Викинг как-то изме-

⁷ В скандинавской мифологии огромный волк, сын Локи и Ангрбоды.

нился, стал замкнутым и задумчивым. И это съедало и без того израненную душу отчаянием и иступленной обидой!

Жалкая-жалкая мать-одиночка, по сути, совершенно ненужная ему. Обуза, которую он взял на себя лишь по причине того, что испытывал угрызения совести, а вовсе не из-за...

Любви, Полечка? Забудь!

Он нашел предлог отлучиться из дома. Забрать чемодан и купить сим-карту, и я была вообще не уверена, что он вернется. Он уже один раз подло и малодушно предал. Поэтому, как только он вышел, я принялась умолять всех существующих богов, чтобы Викинг не вернулся. Чтобы он снова выбрал гадкий путь труса и предателя.

Причина холодности? Это ведь лежит на поверхности.

Сын, которого он считал чужим ребенком. Мальчик — плоть и кровь Викинга. Удивительно странные понятия Викинга о благородности и любовь к разным кодексам, замешанная на страсти к нарушению всех допустимых норм и морали. Он пытался балансировать. Он вновь балансировал. Но теперь уже не между мужской солидарностью и страстью к недоступной женщине. Он находился где-то между жалостью и чувством долга за прошлые грехи.

Этот факт впился мне в сердце таким раскаленным шилом, что так и хотелось крикнуть ему вслед: «Не приходи, не появляйся тут! Заклинаю! Ты животное, которое снова втаптывает меня в грязь, унижает, заставляет чувствовать себя

жалкой и нежеланной!»

Чудовище, которое когда-то задыхалось от страсти и возводило меня на пьедестал как самую красивую и вожаемую, теперь швырнуло оземь, даже не подозревая, что сын, который стал для него невидимой преградой, ЕГО сын!

И я как никто заслуживала стоять на том пьедестале. Быть уважаемой, почитаемой, королевой, божеством.

Нет, никогда-никогда не открывать ему тайну! Пусть поиграется в благородного воина-защитника, плевать. Пусть и правда отработает за прошлые грехи и предательство. Не переломится, в конце концов, ведь. Даже если он и скорефанился с Яном, то всё равно это для него чужой ребенок. Так тому и быть.

Быть навсегда!

Глава 13. Существа

Я больше не хотел ту девушку, которая когда-то заставляла мой член взрываться в темноте от прихлынувшей спермы. Этот факт удручал, обескураживал, вызывал в душе какую-то пасмурную погоду...

Сдержанные обещания. Да, я вернулся в такой чужой дачный дом, где обстановка тоже не привнесла в сердце ни одного теплого мотива. Астафьева...

Боже, какая холодная металлическая фамилия!

Астафьева повыкидывала из дома то, что когда-то составляло для меня счастье, радовало какой-то неизменностью. То, что было ценным, потому как не менялось годами. Моя берлога с кучей детских воспоминаний. Дом, который должен быть пропитан запахом сырости, идущей по вечерам с болот, ароматом жареной картошки и дымком костра. Запахом старых пожелтевших книг. И кваса, что приятно щиплет нос и холодит горло после катаний на велике по летней жарнице...

Астафьева уничтожила почти все! И упорно продолжала при мне в том же духе. Я кипел, бесился от ярости, когда она ворохом вываливала по вечерам вещи в тлеющий костер в огороде. Она была такой хмурой, злой, замкнутой и безразличной, что я дико злился из-за ее неблагодарности. И миллион раз пожалел, что дал слово пацана, которое можно на-

рушить только с пришествием седой старухи с косой. Что и говорить, надо было убежать тогда, когда я услышал из окна плач мелкого засранца. Пацана, которым пропах дом, Астафьева и я.

Да, я вставал к нему по ночам, совал ему в раздражении бутылку подогретого на плите грудного молока Астафьевой. Я нехотя брал его на руки и легонько стучал по спине, чтобы выгнать из его тельца отрыжку и газы.

Моя младшая сестра. Опыт, который не должен был мне пригодиться, ведь я не собирался жениться в ближайшие тысячу лет. И в дачном доме я увидел во всей, мать его, красе, что такое тухлая семейная житуха, когда всё вокруг крутится вокруг одно мелкого комка, состоящего из отрыжки, кашек и грязных подгузников...

С моей сестрой, правда, было иначе... Когда-то я был гораздо добрее, сочувственнее и заботился о ней со всей искренностью, ведь моя сестра болела. А родители постоянно пахали, еле-еле сводя концы с концами. Поэтому я хорошо знал, до какой температуры надо подогреть сцеженное молоко, как правильно запеленать и что необходимо предпринять, чтобы ребенок перестал хныкать и мучиться от газов. Разница в одиннадцать лет между мной и сестрой. Да, мне рано пришлось повзрослеть, прочувствовать на себе все прелести родительства, бессонных ночей и бедной убогой жизни.

Дерьмо, в которое ты теперь самолично загнал себя до

конца жизни, придурок?!

А Астафьева всё продолжала и продолжала жечь и выкидывать вещи родом из детства. Продолжала сухо раздавать команды. И мне совершенно не хотелось растапливать ее холодное сердце.

Потому что я ее НЕ хотел.

И вовсе не потому что она изменилась внешне. Астафьева по-прежнему оставалась миленькой девушкой, просто с увеличившимися сиськами. До того она любила маски, она выглядела очаровательно, к месту в богатом доме Титова, что ли. В ней был лоск, шик. Уж не говоря о том, какой дикой она становилась в наших играх...

Всего этого не стало! Она была просто мрачной тенью и, вместе с тем, приторно-заботливой мамашей для Пацана.

И меня бесил Пацан, о чем я всенепременно сообщал ему на прогулках. Он раздражал тем, что был таким миленьким, типа смазливый.

Хоть в рекламе детского питания, блядь, снимай...

Я жил с двумя существами. С холодной, нежеланной женщиной и ее Пацаном, который улыбался мне во весь рот. С существом, которое так и норовило вырвать клоч моей бороды под громкий залиvistый смех.

Совокупность двух разных сущностей вызывала в душе лютейший, страшный диссонанс. Чужак для нее. Она такая чужая. И Пацан, который болтался у меня на руках или постоянно присутствовал в поле зрения...

Мелкий, который пытался повторить движения на брусьях своими ручонками, когда я подтягивался на турнике на одном из заброшенных участков.

Ян – две тупые буквы тупейшего, какого-то гейского имени.

Имени, которое я старался не произносить. Оно вставало в горле сладко-рвотным комом съеденного целиком кремowego торта. Почему не Санек или Мишаня? Ясно почему: Титову точно понравилось бы что-то с ноткой выпендрежа...

А имя Елисей не выпендрежное?

Ни хуя! Оно сказочное, и к тому же я его не выбирал. Я не понимал, как Астафьева так могла назвать своего сына.

Который, кстати, гораздо больше похож на тебя, чем на Титова. И этот факт бесит, пожалуй, больше прочих?

– Знаешь, Пацан, не повторяй за мной! – злился на него, когда тот кривлялся в коляске, пытаюсь подражать. – Твой родной батя в школьные годы не любил спорт. Он был дрябловат, впрочем, как и ты сейчас. Твоя мамаша пичкает тебя молоком слишком много и часто. Поэтому тебя и пучит. Я не говорю ей об этом вовсе не из желания принести тебе муки, хотя так и подмывает это сделать, Пацан. Я один раз наметнул Астафьевой, что она перегибает палку с заботой...

Я остановился и подошел к Пацану, который тоже закончил свои нелепые и малоэффективные дрыганья.

– Да-да, видал, как она укутала. Да ты весь потный. – Я расстегнул его комбинезон. – Ты вырастешь смазливый и

мягкотелым, обцелованный мамашей-стервой. Она выкидывает мои вещи из дома, который когда-то был моим, но из-за разногласий с вредной родней пришлось его продать. Я мог бы выкупить его, но не стал. Он держал меня, был чем-то типа малой родины. Это отвлекало в Норвегии. Да, Пацан, прикинь, я много лет пахал, чтобы свалить из Эрефии. Но теперь вынужден тут с тобой прозябать. И теперь уже в ее доме. Вот такая херомуть, Пацан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.